

Глава 9. Солнцезащитный крем

Ван Чи просидел в лавке Ван Синьлэя до самой темноты, поужинал за компанию, потом ещё немного посмотрел телевизор и только тогда отправился домой.

Когда он вернулся, Сяо Чэньюй уже успел принять душ и теперь сидел на кровати, глядя телевизор.

Увидев, что Ван Чи вошёл, он сразу оторвался от экрана и с прищуром спросил:

— Где ты был? Почему так поздно пришёл?

Ван Чи ничего не ответил, прошёл к шкафу и стал перебирать одежду — собирался, видимо, в ванную.

Сяо Чэньюй, недовольный его молчанием, вскочил с кровати, шаркая вьетнамками, подошёл ближе и понюхал его. А затем мгновенно сморщил нос:

— Ты что, курил? От тебя так воняет!

Ван Чи приподнял бровь:

— Не любишь запах дыма?

— Фу, противно. Не люблю. Иди, быстро мойся! — насупился Сяо Чэньюй, морща нос.

Ван Чи вытащил из шкафа стопку одежды, взял подушку и, проходя мимо, бросил:

— Ну и отлично. Раз тебе так не нравится запах, с сегодняшнего дня я буду спать в кабинете.

— Что значит в кабинете?! — Сяо Чэньюй опешил, схватил его за руку. — А я?

— А ты спи здесь один, — спокойно ответил Ван Чи.

Сяо Чэньюй недовольно надулся:

— Не хочу один! Я не могу заснуть в одиночестве.

Если он останется спать один, кого же тогда обнимать ночью?

Он ведь уже привык к тому, что рядом кто-то есть — можно тихонько прижаться, положить руку, почувствовать тепло. Как теперь спать одному?

Ван Чи, предугадывая его возражения, решил прибегнуть к хитрости:

— Тебе уже за двадцать, а ты всё боишься спать один?

Сяо Чэньюй вспыхнул и выпалил:

— Кто сказал, что я боюсь?!

— Ну вот и отлично, — усмехнулся Ван Чи, открыл дверь и вышел, оставив Сяо Чэньюя стоять посреди комнаты, ошарашенным.

В кабинете стоял старый длинный диван — раньше он стоял в зале, но во время какой-то

домашней переделки его перенесли сюда.

После душа Ван Чи немного прибрался и улёгся на диван.

Старомодный, жёсткий, даже с подстеленной постелью он всё равно был неудобен. Зато здесь было тихо — не надо бояться, что ночью кто-то снова полезет к нему с объятиями.

Он закрыл глаза, чувствуя редкое спокойствие.

Но, как ни пытался, заснуть не мог. Всё под спиной казалось слишком твёрдым.

В соседней комнате стояла полная тишина.

Необычная, почти подозрительная. От того, кто обычно не умел ни минуты усидеть спокойно, не доносилось ни звука.

Он там что, один сидит и дуется? Неужели злится так, что заснуть не может?

Да какое мне до этого дело. — Ван Чи перевернулся на другой бок.

А вдруг он там плачет втихомолку? — мелькнуло вдруг. — Как тогда, в ту дождливую ночь, когда ноги у него подкашивались, он сел под деревом и смотрел снизу вверх такими глазами... будто напуганный оленёнок.

Ван Чи снова перевернулся. Потом ещё раз. И, наконец, вспомнил, что забыл взять носки из спальни. Встал и пошёл.

Он осторожно приоткрыл дверь узкой щёлочкой и заглянул внутрь. Увидев, что там, распахнул дверь пошире.

Сяо Чэньюй уже давно спал.

Растянулся на кровати звёздочкой, раскинув руки и ноги, занял всё пространство. Даже громкий скрип двери не смог его разбудить.

Ван Чи подошёл ближе, намеренно ступая тяжело, но тот даже не шелохнулся. Юноша спал крепко, с опущенными ресницами, и лицо его было таким спокойным, почти послушным.

Ван Чи посмотрел на него и устало потёр виски.

Как он вообще спит после всего, что наговорил днём?

Говорил же, что один не заснёт — и вот, пожалуйста, сопит как ни в чём не бывало.

В ту ночь никто не обнимал Ван Чи, прижимаясь, словно коала, и никто не бормотал ему под ухо что-то невнятное.

Но почему-то, несмотря на редкую тишину, сам Ван Чи, который обычно спал без задних ног, никак не мог сомкнуть глаз.

Жатва ещё не закончилась. Эти дни он по-прежнему уходил с рассветом и возвращался только к вечеру.

Каждое утро, просыпаясь, Сяо Чэньюй обнаруживал, что Ван Чи уже ушёл. Даже если бы

захотел пойти за ним, возможности не было.

Хотя, если честно, и не особенно хотелось — слишком уж жарко и утомительно, а ещё грязно: руки, ноги, одежда — всё в земле. Совсем не весело.

Зато в лавку он ходил ежедневно, как на работу: ровно к назначенному часу. Там съедал по четыре-пять мороженных, после чего, вполне довольный, возвращался домой.

Дорога к лавке сама по себе была сплошным приключением. Иногда попадались куры, разгуливавшие по обочине, иногда — мотыльки, порхающие, как крошечные бабочки, а то и соседские собаки с чёрными, блестящими котами.

Однажды, возвращаясь, он увязался за одной такой кошкой, свернул на боковую тропинку и совершенно случайно увидел Ван Чи, работающего в поле.

Рядом с ним стоял тот щуплый мальчишка, Лян Юэ.

Майка на Ван Чи промокла насквозь, стала почти прозрачной. Он наклонился, и рельефные мышцы груди и живота мужчины скрылись под тканью.

Хм, даже не разделся, — подумал Сяо Чэньюй с разочарованием. — Скучно смотреть.

Сяо Чэньюй лишь мельком глянул в ту сторону — три секунды, не больше, — потом снова вцепился зубами в эскимо и с головой ушёл в игру с кошкой.

Когда Лян Юэ заметил и сказал Ван Чи, что неподалёку кто-то стоит, тот успел увидеть лишь спину Сяо Чэньюя — худощавую, вытянутую, и макушку, блеснувшую на солнце.

Остальное время Сяо Чэньюй почти всё проводил с Цзинь Сю.

Цзинь Сю готовила великолепно — даже самые простые продукты в её руках превращались в блюда, от которых невозможно было оторваться. Каждый раз, садясь за стол, Сяо Чэньюй восторженно хвалил её еду.

Ван Чи с детства казался немногословным, и разговоров между ним и матерью всегда было мало.

Так, чтобы кто-то с улыбкой, прямо за столом, поднял большой палец и похвалил её готовку, — такого с ней раньше не бывало.

Поэтому эти дни, пока Сяо Чэньюй жил у них, Цзинь Сю буквально расцветала. Её всё чаще можно было увидеть смеющейся, а в глазах появлялось то тёплое материнское сияние, которое давно уже потускнело. Иногда, когда она занималась рукоделием или сидела за швейной машинкой, она даже позволяла Сяо Чэньюю поиграть с тканями, нажимать на педаль, смотреть, как движется игла.

В один из дней Цзинь Сю даже отказалась от любимых карт, осталась дома, чтобы специально пожарить для него оубин — лепёшки из лотоса.

Она мелко порубила корень лотоса, смешала его с фаршем, крахмалом и мукой, добавила зелёный лук и приправы. Простые продукты зашипели в масле, и по кухне распространился густой, многослойный аромат.

Сяо Чэньюй держал длинные палочки в руке, помогая жарить. Он глубоко вдохнул блюда запах

и сказал с улыбкой:

— Ван Чи, конечно, везёт! Каждый день такую вкуснятину есть!

Цзинь Сю погладила его по голове:

— Хороший мальчик. Нравится — ешь побольше. Когда поедешь обратно в город, я сделаю тебе, чтобы взял с собой.

Сяо Чэньюй спросил:

— Раз тётя Сю так вкусно делает оубин, наверное, часто готовит? Это потому, что Ван Чи особенно их любит, да?

Цзинь Сю задумалась:

— Любит, конечно. Но больше всего Сяо Хэ любит весенние рулетики, с начинкой из пастушьей сумки. В следующий раз сделаю и тебе. Уверена, тебе понравятся.

— Договорились! — оживился Сяо Чэньюй. Потом, будто невзначай, добавил:

— А кто такой Сяо Хэ?

Цзинь Сю на миг застыла, будто кто-то дёрнул невидимую струну. Затем усмехнулась и покачала головой:

— Ой, тётя совсем выжила из ума, уже слова путает. Не Сяо Хэ, а Сяо Чи любит весенние рулетики.

Когда Ван Чи вернулся с поля с мотыгой, он остановился у ворот.

В кухне стояли Сяо Чэньюй и его мать — оба с улыбками.

Сяо Чэньюй, едва вытащив из тарелки только что обжаренную лепёшку, тут же обжёгся, замахал руками и, кривясь, продолжал восторженно повторять:

— Вкусно, вкусно, вкусно!

Цзинь Сю, смеясь, сказала:

— Не торопись, пусть остынут, я сейчас под вентилятор поставлю.

— Не могу ждать! — Сяо Чэньюй всё равно откусил ещё.

Они оба смеялись. Сцена была тёплой и уютной, как из старой фотографии.

Ван Чи стоял в дверях, наблюдая, и в уголках его губ тоже появилась слабая, почти незаметная улыбка.

Он не стал входить, боясь разрушить эту мягкую, домашнюю тишину.

С тех пор, как он переселился спать в кабинет, они с Сяо Чэньюем почти не разговаривали.

Он был слишком занят, а Сяо Чэньюй, похоже, нарочно перестал проявлять инициативу — так что, хоть и жили под одной крышей, пересекались они теперь редко, даже за стол вместе почти

не садились.

Он же вроде признался, что нравится ему, — думал Ван Чи. — Так чего теперь прячется, молчит? Или передумал?

Он стоял у двери, глядя на того, кого давно не разглядывал как следует, и быстро заметил: Сяо Чэньюй явно загорел, его кожа на лице и руках потемнела.

Когда тот только поселился у них, Ван Чи уже купил ему всё необходимое — зубную щётку, полотенце, бельё, — но про солнцезащиту даже не вспомнил. Сам-то он всегда обходился панамкой: намазаться кремом от солнца — это уж слишком.

Подумав об этом, он не стал заходить в дом, а сразу пошёл в лавку Ван Синьлэй.

— Есть крем от солнца? — спросил он.

Ван Синьлэй быстро достал с полки самый популярный, тот, что лучше всего продаётся.

Ван Чи взглянул на цену, нахмурился и покачал головой:

— Дай самый дорогой, какой у тебя есть.

Тот вынул тюбик, стоивший больше сотни юаней, и, похлопав себя по груди, заверил:

— Вот этот — лучший. Защита первая категория, кожа даже не потемнеет!

Ван Чи ничего не сказал, просто достал деньги и заплатил.

Ван Синьлэй удивился:

— Ого, ты ж никогда на такие вещи не тратился... Для кого берёшь-то?

— А кому ещё? — коротко ответил Ван Чи. — Сяо Чэньюю.

Они договорили почти одновременно, но на секунду замолкли.

Ван Синьлэй моргнул, мысленно подсчитывая: Сто с лишним юаней за крем? Для «друга»?

Он почесал затылок и только подумал:

Ну ничего себе, щедрый у меня братец. Я вот такие деньги только на жену трачу...

<http://bllate.org/book/12345/1101755>